

ТЕЛО КАК ОБЪЕКТ ЭКСПЕРИМЕНТИРОВАНИЯ И СТАНОВЛЕНИЕ ЭТОСА БИМЕДИЦИНЫ: УРОКИ НЮРНБЕРГА

Попова Ольга Владимировна – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная 12, стр. 1; e-mail: j-9101980@yandex.ru

Целью статьи является исследование влияния восприятия нацистских экспериментов научным сообществом на процесс формирования представлений об этосе науки в области биомедицины и анализ Нюрнбергского процесса в качестве фактора, обусловившего формирование нормативного поля в области экспериментов на человеке.

Показано, что идея дискредитации ценностно нейтральной науки зачастую сталкивалась с сопротивлением самих ученых, которые в разных контекстах осуждения нацистских преступлений апеллировали к тому, что они действовали во благо науки, а то и всего человечества. Для обоснования результатов исследования рассмотрена принятая на Нюрнбергском процессе стратегия американских юристов, направленная на демонстрацию извращенности нацистских преступлений в области биомедицины как в этическом, так и в научном плане. Кроме того, был проведен анализ отдельных материалов Нюрнбергского процесса, позволивший дать представление о научном и лингвистическом конструировании человеческого тела (стратегии исправления имен) в качестве «правильного» научного объекта с заданными свойствами.

В статье рассмотрено влияние полученных данных о нацистских преступлениях на формирование принципов Нюрнбергского кодекса и оформление в биомедицине института информированного согласия. Также представлен анализ этических проблем связанных с дальнейшим использованием нацистских научных данных. В заключении артикулируется проблема формирования научного знания в режиме ненасилия.

Ключевые слова: эксперименты на людях, Нюрнбергский процесс, философия после Аушвица, Освенцим, этика науки, этика клинических экспериментов, информированное согласие.

BODY AS AN OBJECT OF EXPERIMENTATION AND THE EMERGENCE OF BIOMEDICINE ETHOS: THE NUREMBERG LESSONS

Olga V. Popova – DSc in Philosophy, Leading Research Fellow. Institute of Philosophy Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow 109240, Russian Federation; e-mail: j-9101980@yandex.ru

The purpose of the article is to study the influence of Nazi experiments on the formation of ideas about the ethos of science in the field of biomedicine.

It is shown that the idea of discrediting a value-neutral science was often confronted with the resistance of the scientists themselves, who, in different contexts of condemning Nazi crimes, appealed to the fact that they acted for the good of science, and even of all mankind. The article discusses the strategy of American lawyers adopted at the Nuremberg Trials aimed at demonstrating the perversity of Nazi crimes in the field of biomedicine

both ethically and scientifically. In addition, an analysis of individual materials of the Nuremberg process was carried out, which made it possible to give an idea of the scientific and linguistic design of the human body (name correction strategy) as a "correct" scientific object with desired properties.

The article considers the influence of the data obtained on Nazi crimes on the formation of the content of the Nuremberg Code and the design of the principle of informed consent in biomedicine. Ethical aspects related to the further use of Nazi scientific data are also considered. In conclusion, the problem of the formation of scientific knowledge in non-violence mode is articulated.

Keywords: human experiments, Nuremberg tribunal, philosopher after Auschwitz, Auschwitz, ethics of science, ethics of clinical experiments, informed consent.

После Второй мировой войны обнародование фактов о системе концлагерей фашистской Германии вызвало появление целой серии социально-философских работ, огласивших кризис проекта европейской рациональности. Объектом особой критики оказалась нацистская наука и ее этос, который фундировал деятельность ученых-нацистов.

Процесс формирования новых представлений об этосе науки в связи с совершенными преступлениями в области научного знания, как это будет продемонстрировано ниже на примере биомедицины, оказался достаточно долгим и не прекращается до сих пор. Идея дискредитации ценности нейтральной науки зачастую сталкивалась с сопротивлением самих ученых, которые в разных контекстах осуждения нацистских преступлений апеллировали к тому, что они действовали во благо науки, а то и всего человечества.

Необходимость в появлении сводов этических правил, направленных на этическое обращение с субъектом биомедицинских экспериментов, артикулирующих особую ценность человеческого тела, особенно остро актуализировалась после осуждения нацистских экспериментов в концлагерях в связи с обнародованием многочисленных преступлений, связанных с экспериментами над людьми и в концлагерях в 1942–1943 гг.; осуществлявшейся в нацистской Германии программы эвтаназии (1942–1945), программы по стерилизации (1934–1945) и программы умерщвления 4 Т. Осуждение нацистских зверств II-й мировой войны в области биомедицины состоялось на Нюрнбергском процессе по делу врачей. Он проходил с 9 декабря 1946 по 20 августа 1947 г.

Обвинителем на процессе выступал блестящий американский юрист, генерал Т. Тейлор. В своей речи он подчеркивал, что эксперименты были зверскими, ненаучными и бесполезными. В целом, «Стратегия американских обвинителей заключалась в том, чтобы продемонстрировать извращенность нацистских преступлений как в этическом, так и в научном плане; подразумевалось, что плохая этика с плохой

наукой идут рука об руку и что плохая наука приводит к бесполезным результатам, а это изначально делает этически плохое действие еще хуже» [Йоханссон, 2019, с. 321], в то же время защита нацистских преступников настаивала на общезначимом, универсальном характере проводимых научных опытов, указывая, что они выполнялись ради блага человечества или же апеллировала к необходимости выполнения приказов с целью принесения блага немецкой армии.

Таким образом, Нюрнбергский процесс был не только направлен против конкретных людей-нацистских преступников, но и в определенном смысле осуществлялся над системой ценностей. Во-первых, речь шла о ценности науки как таковой и знания, которое оказалось безразлично к ценности человеческой жизни. Во-вторых, были тщательно рассмотрена аргументация обвиняемых, связанная с апелляцией к ценности общественного блага. В-третьих, особым образом проблематизирована этическая ценность блага индивида.

Все линии аргументации (и со стороны обвинителей, и со стороны нацистских преступников) артикулировали внимание к особому телесному опыту, выходящему за пределы понимания обычным человеческим разумом. Искалеченные, истощенные тела Освенцима, стерилизованные больные, близнецы, подвергшиеся жестоким биомедицинским исследованиям, явили пример последовательной политики по инструментализации человеческой природы, конструированию человеческого тела в качестве объекта с заданными свойствами. Объекта, удобного прежде всего ученому для соблюдения чистоты эксперимента. То есть в биомедицинском эксперименте его участники должны были быть как бы выведенными под его цель и задачи. Лишние участники, чье физическое состояние не соответствовало задумке экспериментатора, чье тело по своим параметрам не вписывалось в заданную экспериментатором норму (по весу, росту, температуре и т.д.) отсекались (уничтожались). Рассмотрим эту практику на примере истории использования заключенных в экспериментах, связанных с именем немецкого врача Зигмунда Рашера. В барокамерах концентрационного лагеря Дахау он проводил исследование влияния на человека пониженного давления, лично понижая давление до той степени, которая соответствовала большим высотам. Заключенные в результате испытаний, как правило, либо умирали, либо же получали глубокую инвалидность.

Изначально свои опыты Рашер ставил на обезьянах, но оказалось, что их нельзя заставить вести себя смирно. Рашер начинает поиски идеальных объектов исследования, которые бы могли с легкостью вписаться в созданную его научным мировоззрением дисциплинарную матрицу. Ими стали люди, участие которых в качестве испытуемых было одобрено по его запросу Гиммлером. В запросе Рашер указывал, что будет иметь дело с профессиональными преступниками, хотя за таким актом именованная скрывалась лишь этническая еврейская

принадлежность. Никакого отношения заключенные к преступному миру не имели.

Чтобы испытуемый стал правильным в глазах ученого, ему присваивали «правильное имя», а то и номер. При переходе в рассуждениях о человеке от персональной «грамматики» к грамматике «вещи» «артефакта» и т.д., дискурсивное пространство использовалось как инструмент легитимации каких-либо действий по отношению к человеческому существу. Стоит отметить, что данная практика уходит вглубь истории. Эксперименты по модификации человеческой природы, созданию человека с заданными свойствами могут рассматриваться как часть общего исторического тренда по экспериментированию на человеке вообще, в рамках которого в прагматическом биополитическом пространстве начинают вычленяться различные категории человеческих существ, которых могут отодвигать то в сторону животного мира, то к границе мира вещественного, и, маркируя в мыслительном пространстве в качестве ненормальных, не-человеков, в любой момент могут превратить в «человека-как-испытуемого» (понятие Б.Г. Юдина).

Разные имена пациента в клинической реальности свидетельствовали о поэтапном лишении моральной ценности человеческого существа и о расширении степени масштаба манипуляции с человеческим телом. Казус с опытами Рашера – лишь подтверждает общечеловеческую тенденцию по исправлению имен. Рассмотрим пример показаний свидетеля г-жи В. Кутюрье: «Дюбост: Госпожа Вайян-Кутюрье, куда Вас затем отправили? Вайян-Кутюрье: Из Освенцима нас отправили в лагерь Равенсбрюк. Там нас поместили в блок “НН”, т.е. “Нахт унд Небель”. В этом блоке вместе с нами находились польские женщины; некоторых называли “кроликами”, потому что их использовали в качестве подопытных существ.

Из партий польских женщин отбирали здоровых девушек со стройными ногами и производили над ними операции: у одних удаляли из ноги часть кости, другим делали впрыскивания, для чего именно, я не знаю. Среди подвергавшихся операциям была большая смертность.

Тех, кто отказывался идти в лазарет, где им должны были производить операцию, силой отправляли в карцер, где их оперировал приехавший из Берлина профессор. Он производил операции в военной форме, не принимая никаких антисептических предосторожностей, не надевая халата и не вымыв рук. Среди этих “кроликов” были такие, которым удалось выжить, и они испытывают страшные страдания до настоящего времени» [Нюрнбергский процесс, 1991, с. 537–538]. Стратегия исправления имен пронизывала фашистскую Германию на всех уровнях социальных отношений, позволяя осуществлять тотальную селекцию. Очень правильной в этой связи выглядит метафора государства-садовника З. Баумана [Бауман, 2010].

Государство-садовник при осуществлении своих управленческих функций, занимается рациональным уничтожением сорняков, тех элементов общества, которые в его представлении несут риски. Ими могут быть представители определенных национальностей, сторонники другой идеологии, психически и физически нездоровые люди и т.д. Фактически государство-садовник функционирует за счет элиминирующей рациональности, проникающей в каждый уголок общественной жизни и заставляющей индивида идентифицировать себя или с сорняком, или с садовником. Ученые также становятся ее заложниками. То, что не соответствовало проекту рационального совершенного устройства общества, с жестокостью искоренялось. То, что противоречило представлениям о «правильном» научном объекте, также элиминировалось. Ученый как бы прореживал объекты своего исследования, выводил составленную из них чистую линию: «участники экспериментов должны были хорошо питаться, быть одного пола... примерно одного возраста и одинакового этнического происхождения, чтобы свести к минимуму биологическую вариативность» [Йоханссон, 2019, с. 324].

В этом отношении Рашер пытался следовать критерию объективности научного знания. Структура его исследования отчасти напоминала структуру современных клинических исследований.

Вот одно из описаний его исследований в области влияния пониженной температуры на человеческий организм: «Подвергавшийся эксперименту человек помещался в ледяную воду и оставался там до тех пор, пока не терял сознание. Затем у него брали кровь из шеи и проверяли всякий раз, когда температура его тела падала на один градус. Она измерялась через прямую кишку при помощи специального ректального термометра. Периодически подвергалась исследованиям и моча. Некоторые люди выдерживали такой опыт в течение 24–36 часов... Большинство людей погибали при 25–26 по Цельсию. Людей затем вынимали из ледяной воды, и делалась попытка отогревания с помощью искусственного солнца, горячей воды, электротерапии или теплом живого организма. В последнем случае использовали проституток. Тело потерявшего сознание мужчины клали между телами двух женщин... Я видел заметки, диаграммы, касавшиеся этих опытов, в лаборатории Рашера» [Нюрнбергский процесс, 1991, с. 570].

Фашистские эксперименты зачастую проводились вместе с университетами. Образовательная и научная система фашистской Германии тем или иным способом поддерживала воспроизводство экспериментов. Рашер, в частности, сотрудничал с Эриком Хольцленером из Кильского университета. Результаты экспериментов могли попадать в немецкую научную периодику.

Стратегия защиты нацистских преступников, опираясь на данные о ходе проведения экспериментов, исходила из тезиса, что исследования в концлагерях проводились согласно принятой научной практике,

более того, они этически обоснованы, поскольку несут потенциальную пользу не только для немецкого сообщества, но для человечества в целом. Обвинители стремились дискредитировать испытания на людях как в этическом, так и в эпистемологическом смыслах. В отношении последнего речь шла о нарушении основополагающих принципов проведения научных исследований: их доступности и воспроизводимости «...исследования должны быть общественно доступными по двум причинам: а) никому не следует позволять скрывать основополагающе знания; б) научное общество должно иметь возможность критиковать предполагаемое знание и подвергать его тщательной проверке» [Йоханссон, 2019, с. 325]. Полученное нацистскими учеными знание, за редким исключением, было тайным. Кроме того, знание должно быть воспроизводимым. Были ли нацистские эксперименты воспроизводимыми? В обычных условиях-нет. Для проведения экспериментов создавалась среда, включающая особую систему инфраструктур, и особая методологическая установка, формирующая тип необремененного этическими нормами ученого и лишённого человеческого имени участника экспериментов, которого можно было с лёгкостью приравнять к объекту, вещи, к существу. В научных целях с ним можно было делать все что угодно. На Нюрнбергском процессе выяснилось, что одни и те же эксперименты зачастую могли нести и научную, и дисциплинирующую, и карательную цель. Рассмотрим в этой связи отрывок из допроса оберфюрера СС, бывшего одним из основоположников расовой политики Третьего Рейха. Зиверса, в ходе которого зачитываются данные из дневника свидетеля Пахолетта: «Я лично видел через наблюдательный глазок камеры, как один заключённый находился в разреженном пространстве до тех пор, пока у него не лопнули легкие. Некоторые эксперименты вызывали у людей такое давление в голове, что они сходили с ума и рвали на себе волосы, стараясь освободиться от этого давления. В своем безумии они разрывали себе лицо и голову ногтями в попытке покалечить себя, они разбивали себе головы о стены, они кричали, пытались облегчить боль в ушах от давления. Обычно эти эксперименты с крайне низким давлением кончались смертью экспериментируемого. Эксперименты с крайне низким давлением настолько часто кончались смертью, что они использовались, скорее, как обычное средство казни, чем как эксперимент. Я знаю случаи, когда при экспериментах Рашера заключённые находились в условиях низкого давления либо высокого давления или комбинации того и другого в течение 30 минут. Эксперименты, в целом, делились на две группы: одни из них известны под названием «живых экспериментов», а другие-просто как «Х»-эксперименты, т.е. эксперимент и казнь одновременно» [Нюрнбергский процесс, 1991, с. 599–600].

Дисциплинирующая, карательная функция испытаний на людях отражала этическую ущербность получаемого нацистами знания.

Оно делалось под прикрытием науки, но не исключительно ради науки, так же, как и весь этический аппарат оказывался наспех выстроенным концептуальным сооружением под военные цели заказчика.

В то же время обвинение нацистских врачей на Нюрнбергском процессе не основывалось на «отвратительности целей исследователей или эпистемологическом стиле или ценности дизайна исследования или даже на боли и страданиях, испытываемых людьми» [Feldman, 2014, p. 303]. Аргументация обвинения была сконцентрирована вокруг вопроса о согласии испытуемых на участие в исследовании.

Когда американским юристам указывали на сходство в проведении экспериментов на людях в США, они, отставив в сторону методологическую сторону экспериментов, указали на главное отличие: во время проведения экспериментов в США: американские заключенные были добровольцами, которые не были проинформированы о рисках и дали свое согласие на проведение экспериментов. Данный этический аргумент отражал необходимость добровольного информирования испытуемых. Он способствовал формированию нового этоса науки, в частности, связанного с этическими ограничениями экспериментирования на людях и напрямую повлиял на формулировку принципов Нюрнбергского кодекса:

«1. Абсолютно необходимым условием проведения эксперимента на человеке является добровольное согласие последнего. Это означает, что лицо, вовлекаемое в эксперимент в качестве испытуемого, должно иметь законное право давать такое согласие; иметь возможность осуществлять свободный выбор и не испытывать на себе влияние каких-либо элементов насилия, обмана, мошенничества, хитрости или других скрытых форм давления или принуждения; обладать знаниями, достаточными для того, чтобы понять суть эксперимента и принять осознанное решение...

9. В ходе проведения эксперимента испытуемый должен иметь возможность остановить его, если, по его мнению, его физическое или психическое состояние делает невозможным продолжение эксперимента.

10. В ходе эксперимента исследователь, отвечающий за его проведение, должен быть готов прекратить его на любой стадии, если профессиональные соображения, добросовестность и осторожность в суждениях, требуемые от него, дают основания полагать, что продолжение эксперимента может привести к ранению, инвалидности или смерти испытуемого» [Нюрнбергский кодекс web].

После Нюрнбергского кодекса появились также и другие международные документы, в частности, Женевская декларация, где была обновлена клятва Гиппократова (1948 г.), «Международный кодекс медицинской этики» (1949 г.), Хельсинкская декларация 1964 г. и ее многочисленные редакции. В ней было отражено правило приоритета благополучия испытуемого субъекта, которое должно ставиться

выше интересов науки и общества. В 1978 г. был опубликован Бельмонтский доклад рассматривающий этические принципы и рекомендации по защите человека при проведении исследований.

Все эти документы задали общие нормативные рамки для проведения клинических испытаний на людях, способствуя разработке локальных национальных правовых актов, обеспечивающих защиту прав участников научных экспериментов.

В то же время это нормативное поле не обеспечило необходимых гарантий защиты испытуемых-участников биомедицинских экспериментов.

Во многом здесь определяющую роль сыграл национальный стиль регулирования научной деятельности. Вся постнюрнбергская эпоха отмечена чередой конфликтов между сложившимся этосом биомедицины и новой нормативностью, регулирующей деятельность ученых.

В США долгое время авторитет врача единственным арбитром в области биомедицины. Нормы Нюрнбергского кодекса не воспринимались в качестве норм, которые должны регулировать деятельность американских врачей. Они скорее имели контекстуальный смысл и воспринимались как свидетельство о нацистских преступлениях, не имеющее особого отношения к истории американской медицины. В рамках сложившегося довоенного этоса определяющим был принцип «не навреди», которому и старались следовать в своей деятельности добропорядочные врачи [Lachapelle-Henry, 2018].

Вместе с тем медицинский патернализм и доверие к этическим нормам медицинского сообщества (до окончательной институализации биоэтики и формирования сети биоэтических комитетов, созданной в целях защиты прав и здоровья и лиц, участвующих в научных исследованиях) сыграло злую шутку с обликом американской науки.

Начиная с середины 1950-х гг., принимались этические, но не юридические руководящие принципы, в которых упоминались нормы Нюрнбергского кодекса [Ibid.]. В 80-е гг. в США разрабатывались федеральные нормативные акты, которые возлагали ответственность за защиту прав и благосостояния субъекта права человека на учреждения, получающие федеральное финансирование, а не на самих исследователей, как это следовало из содержания Нюрнбергского кодекса.

Сложности с адаптацией в сознании ученых и представителей медицинской профессии новых норм научного этоса, отраженных в Нюрнбергском кодексе, привели к трагическим казусам в истории американской биомедицины. Достаточно вспомнить о клинических исследованиях сифилиса у бедного афроамериканского населения на базе Института Таскиги (с осуществлявшимся заражением пациентов и отказа от лечения антибиотиками при их появлении), исследованиях радиации под видом инновационных лекарств в годы холодной войны, систематическом испытании биологического оружия на американском населении.

История адаптации норм Нюрнбергского кодекса в США свидетельствует о сложностях в практической адаптации этического знания. Попадая в клиническую реальность, они претерпевает метаморфозы при адаптации в новой среде и зачастую воспринимается как лишнее, неработающее и мешающее знание. Как правило, органичнее воспринимаются только те нормы, которые рассматриваются в качестве релевантных не столько обществом, сколько конкретным врачебным сообществом.

Неявное знание, сформировавшегося в рамках сложившихся научных сообществ, присущий им научный этос поддерживают академические стили научных школ, выстраивает модели корпоративного поведения членов научного сообщества и их взаимодействия, но в то же время зачастую покрывает корпоративные преступления под видом научного прогресса и общественного блага.

Использование нацистских научных данных

Если после Нюрнбергского процесса в мировом научном сообществе постепенно формировалось понимание того, что научная рациональность и процесс получения нового научного знания должны опираться на человеческие ценности и смыслы, то в отношении уже полученной информации мнения разделились.

Возник целый ряд вопросов, связанных с тем, могут ли ученые использовать утилитаристскую оценку относительно использования научных данных или они должны наложить на них вето, оставив в покое и жертв, и полученные за счет их жизней и здоровья результаты научных исследований.

В 1992 г. вышла известная книга А. Каплана¹, посвященная решению этических вопросов, связанных с проведением нацистских экспериментов на людях. Книга имела очень характерное название «Когда медицина сошла с ума. Биоэтика и Холокост» [Caplan, 1992]. Одной из проблемных точек развернутого на ее страницах обсуждения, стал вопрос об использовании полученных нацистами данных. При этом обозначились следующие позиции:

1. Абсолютный запрет на использование данных, связанный с их полным уничтожением и предполагающий применение уголовных санкций против их использования.

¹ Артур Каплан – всемирно известный специалист по биоэтике, был директором отдела медицинской этики Медицинского центра Лангоне при Нью-Йоркском университете. А. Каплан долгое время работал над темой экспериментов на людях в нацистской Германии и в 2012 г. получил извинения от Медицинской ассоциации Германии за роль немецких врачей в экспериментах в нацистских лагерях во время Холокоста.

2. Либертарианский подход, основанный на игнорировании источника получения данных и оценку их в качестве информации, как обычно поступают с архивами. В этом случае данные принадлежат тому, кто их может использовать и их единственными ограничениями будут ограничения, налагаемые самими исследователями и издателями.
3. Избранное ограничение на базе утилитарного подхода, связанное с разработкой руководящих принципов и назначением комитетов по отбору информации [Greene, 1992, p. 160].

Необходимо отметить, что в ходе дискуссии об этических аспектах использования данных появились аргументы, которые воспроизводили этический посыл, сопровождавший их получение. Он был связан с абстрактным представлением о науке как о высшем благе, которому должны быть подчинены все другие виды деятельности с целью обеспечения эпистемологического прорыва. Заявления от вовлеченных в исследования ученых апеллируют к разным видам ценностей, которые плохо соотносятся между собой на уровне персонального их восприятия. При этом выявилось амбивалентность моральной позиции самого ученого: осуждая этически сомнительные исследовательские практики других стран, он может либо активно использовать их результаты, либо проводить аналогичные исследования, исключая себя из этической оптики. Как высказался на эту тему V.W. Greene: «Дилетанту, даже философу, трудно объяснить, как мотивы и методология прикладных исследований порождают некую научную нравственность, в которой величайшее благо – это “прорыв”» [Ibid., p. 159] и еще: «Спросите молодого доцента, чья карьера зависит от публикаций, отказывает ли он себе в доступе к превосходным данным по пеллагре, полученным от заключенных в южных тюрьмах и на бедных фермах, к отличным данным по иммунизации, полученным путем аэролизации живых вирусов в российских классных комнатах, или к превосходным данным о гепатите от преднамеренно зараженных отсталых детей в Нью-Йорке. Очевидно, что ни один из предыдущих примеров экспериментов на людях не имеет никакого отношения к тому, что происходило в Дахау, Освенциме и Нордхаузене... Я даже не намекаю на эквивалентность. Но я пытаюсь подчеркнуть, что просить исследователя не обращать внимания и игнорировать данные, которые он считает потенциально полезными для своей работы, равносильно тому, чтобы просить жаждущего скитальца из пустыни отказать себе в питье воды в оазисе, где колодец был вырыт рабским трудом. Моральные соображения могут возобладать, но не нужно делать на них ставку» [Greene, 1992, p. 160].

Показательной речевой особенностью приведенных выше аргументов является использование эмоциональной экспрессивной лексики, метафорических сравнений, отвлекающих от существа проблемы

и вызывающих у читателя сочувствие исследователю. Работа на высшее благо, под которой подразумевается наука, вновь приводит к эффекту оправдания сомнительной в этическом отношении исследовательской практики. Последовательное использование в аргументации приема нейтрализации отношения к способу получения научных данных (неважно каким путем получены данные – теперь это всего лишь информация) вызывает в конечном итоге защиту породивших их практик.

Заявление V.W. Greene о том, что он никогда не посмотрит на чашку Петри, не вспомнив, что бактериологические питательные среды в Освенциме были созданы из человеческой плоти и это правильное использование нацистских данных [Ibid., p. 170], – морально неоднозначно. Не стоит забывать, что и ученые-нацисты не стирали в своей памяти путь происхождения данных. Они от него абстрагировались во время проведения экспериментов, но вместе с тем и активно свидетельствовали о нем в разделявшем их взгляды научном сообществе: делали публикации и утверждали свои имена и открытия. Научная абстракция сыграла зловещую редуционистскую роль: в человеке увидели лишь полезную информацию, которую можно было успешно забыть, стереть или вспомнить лишь в качестве статистических показателей или научных данных. Об этом прекрасно написал еврейский писатель Эли Визель, узник Бухенвальда и Освенцима: «Когда ты придумываешь идею или концепт и превращаешь это в абстракцию, это также отрывает путь к превращению человека в абстракцию. Когда человеческие существа становятся абстракциями, что остается? Я думаю, что так или иначе, те, кто в 1920–1930-е гг. исследовал, как редуцировать жизнь и мистирию жизни к абстракциям, возможно, не были вооружены, чтобы противостоять искушению злом. Для них это не было злом... они знали, как провести различие между добром и злом. Было повреждено их чувство реальности. Человеческие существа не были человеческими существами в их глазах. Они были абстракциями» [Wiesel, 1992, p. VIII].

Визель призывал к тому, чтобы Нюрнбергский кодекс стал силой против научной гордости, полагая в духе И.Канта, что «уважение прав человека при проведении экспериментов на людях требует, чтобы мы рассматривали людей как цели в себе» [Ibid., 1992, p. IX].

Эта установка так и осталась идеалистической в истории биомедицины. Недобровольные эксперименты на людях, на проведение которых не было получено информированное согласие, проводились в разных точках мира и тщательно скрывались².

² В этой связи можно вспомнить про исследование радиации на Маршалловых островах, инфицирование сифилисом жителей Гватемалы, эксперименты отряда Квантунской армии «731» и многие другие.

Постепенное обнародование информации о проводившихся недобровольных медицинских экспериментах вновь и вновь поднимает вопрос о том, как сделать науку ненасильственной? Как сформировать такую целевую установку биомедицины, чтобы «исследователи относились к людям с достоинством и уважением не потому, что им предписывает кодекс этики, а потому, что это правильно»? [Gallin, 2019, p. 17]. Как осуществить «синтез между приоритетом сохранения внутренней морали профессии, существовавшей до Холокоста, и приоритетом внешнего надзора и регулирования, существовавшим после Холокоста»? [Ibid.]. Здесь вновь и вновь возникает проблема поиска баланса между внешним регулированием научной деятельности и уже сложившимся комплексом ценностей и норм, считающихся обязательными для ученого в рамках его научного сообщества.

Наука в режиме ненасилия

В условиях осознания кризиса науки утратившей доверие социальности противопоставлялась сила индивидуальной автономии³, под которой подразумевалась «сила рефлексии, самоопределения, сотрудничества» [Адорно web]. Императив «Аушвиц не должен повториться» выражался в социальной сфере в поиске методов искоренения насилия в системе науки и образования. Однако сами методы нередко опирались на неоднозначные в этическом отношении достижения научного прогресса.

Так, Т. Адорно предлагал не просто рефлексировать о насилии, но и научно исправлять его путем работы с варварским состоянием. Он предложил планировать телевизионные программы с учетом нервных центров определенных состояний сознания [Там же] и создавать мобильные образовательные группы из волонтеров, которые будут заниматься просветительской работой в сельской местности (Адорно отмечал, что наиболее жестокие нацисты были родом оттуда) чтобы «заполнить наиболее опасные дыры в сознании» [Там же]. По существу, Т. Адорно призывает сформировать моральную машину – субъекта, характеризующегося внутренней устойчивой программой морального поведения. Технологическое принуждение к морали, своего рода технодеонтология, обходит стороной вопрос о том, сохраняет ли субъект, не осознающий свою свободу совершения (а)морального

³ Со временем принцип автономии (наряду с принципами справедливости, благодеяния, информированного согласия) определяет формирование современной биоэтики и в целом оказал влияние на современный этос науки в области биомедицины.

выбора, свое свойство быть моральным? Заданное внешними детерминантами, спрограммированное моральное поведение способно разрушиться при столкновении с другими, более выгодными индивиду программами. Такого рода моральность будет соответствовать лишь внешним критериям моральности, утрачивая свойство осознанного свободного акта.

В то же время нормативные кодексы, регламенты и инструкции, получившие распространение в научной сфере, как раз и направлены на формирование своего рода «моральной машины». Уровень алгоритмизации морального поведения в различных областях науки становится все выше и выше. Это вызывает формальное, функциональное отношение к этическим нормам.

Стремление использовать технологии в целях морального улучшения является активно дискутируемой темой и сегодня. С развитием технологий предлагаются новые рецепты по «спасению» человека и снижению уровня его агрессии во всех сферах социальной жизни. Например, с развитием генетических технологий, в этой связи появляются не отрефлексированные предложения о редактировании генома человека.

Проекту Т. Адорно и похожим технодеонтологическим проектам можно было бы противопоставить современную позицию Дж. Харриса. Задавшись вопросом о том: «...может ли нечто, что следует называть «моральным улучшением», включать моральных агентов, отрицающих саму возможность автономного морального выбора» [Харрис, 2019, с. 245], он выступил против того, чтобы «средства противодействия в форме морального улучшения...сделать надежными, универсальными и обязательными» [Там же]. Дж. Харрис отметил, что «мораль по сути является выбором того, что считается лучшим, а не просто мотивацией на добро или просоциальностью; если коротко, быть хорошим не означает не творить зло, но делать выбор, размышляя, выбирать на основе свидетельств и аргументов, чтобы не творить зло» [Там же, с. 347]. Сама сущность морали всегда обращена одним полюсом к возможности падения, к онтологической и нравственной «недостаточности», а другим – к пределам морального совершенствования, идеалам.

В этой связи использование технологий для формирования морального субъекта будет сталкиваться с его противодействием. Желание конституировать моральный акт незапрограммированными усилиями или отказываться от них в пользу других типов поведения (пускай даже аморальных) характеризует моральное сознание как таковое.

Идеи Т. Адорно о методах научной работы с манипулятивным типом человека, или, как он его называет, типом с конкретным сознанием, вызывает опасность превращения человека в управляемую нейровещь, с присущими ей «освенцимами» сознания. Здесь характерная

для ученого интенция объективации человеческой психики сталкивается с особенностями функционирующего в режиме «плоской» онтологии сознания самого субъекта. Оно характеризуется сведением себя к вещам с последующей редукцией к ним всех остальных людей. Последнее, по словам Адорно, «проявляется очень точно в выражении “прикончить” [“fertigmachen”], такое же популярное у бандитов, как и у нацистов. Это выражение определяет людей как законченных вещей или подготовленных вещей» [Адорно web]).

Поднятая проблема затрагивает вопрос модификации форм научного насилия и ускользания последнего от сформированных этических фильтров. Ответ на него до сих пор не дан.

Переживший Холокост писатель Э. Визель рассказывает о судьбе Ш. Дубноу, еврейском ученом, погибшем от издевательств своего ученика, ставшего членом Гестапо в Риге. Этот случай не был единственным. Айнзатцгруппы (Einsatzkommando) часто состояли из высокообразованных докторов медицины или философии. Если отойти несколько в сторону, можно вспомнить и о Пагуошском движении, когда высокообразованные интеллектуалы, осознали, что в борьбе за фашизм они стали источником глобального риска мировой термоядерной войны, угрожающей выживанию человечества. Высокий интеллект и полученное образование не стали препятствиями для совершения нацистских преступлений, в том числе в области науки и медицины. Во многих случаях они придавали им еще более изощренный характер.

Проблемы ценностной нагруженности и нормативной регуляции знания, оказывающие влияние на процесс его производства и сдерживающие развитие науки в определенных этических рамках остаются актуальной по сей день. В определенном смысле она отражают консервативный ресурс науки, в рамках которого сдерживающий развитие научного знания принцип «не навреди» оказывается более приоритетным по сравнению с инновационной направленностью науки.

Заключение

Разоблачения на Нюрнбергском трибунале преступлений нацистских ученых, проводивших варварские эксперименты на людях и участвовавших в обосновании и осуществлении преступной евгенической политики, способствовали ликвидации представления о науке как ценностно нейтральной области человеческой деятельности, лишив научный прогресс статуса абсолютного блага.

Обнародование данных о нацистских биомедицинских экспериментах, равно как и последующее осмысление дегуманизирующей

роли физики в развитии современных атомных технологий, оказали влияние на формирование нового аксиологически нагруженного формата рациональности и науки, сопряженной с гуманистическими ценностями. В.С. Степин назвал ее постнеклассической рациональностью [Степин, 2009].

Постнеклассический образ рациональности основывается не только на логико-методологических стандартах, но апеллирует к анализу целерациональной компоненты научного знания, его ценностей, его социокультурным установкам, рассматривает гуманитарные последствия его развития с учетом произошедших гуманитарных катастроф современности. При этом все актуальнее становятся междисциплинарные и проблемно-ориентированные исследования, особое значение приобретает гуманитарная оценка научно-технического прогресса, в частности, этическая, биоэтическая оценка.

Специфика современных исследований в сфере биологии и биомедицины заключена в том, что этическая рефлексия оказывается включенной внутрь самих биотехнологических проектов как их составная часть. Парадигмальным примером в этом отношении стал международный мегапроект «Геном человека», который с самого начала (1990 г.) включал в себя исследование социальных, правовых и этических аспектов своей реализации (Ethical, Social, Legal Issues – ELSI), в котором участвовали также российские ученые и философы. Этико-аксиологическая рефлексия становится составной частью научных проектов, что характерно для постнеклассической науки (В.С. Степин).

В результате мы видим почти синхронное формирование в философии и социологии науки мощного движения в исследовании науки и технологий STS (Science Technology Study), а в сфере медицинских исследований и технологий, возникновение биоэтики как формы междисциплинарной организации критической ценностной рефлексии на инновационные процессы в науке. Происходит гуманитаризация научного знания. Накопление знания происходит благодаря сформированному научному этосу, и при его нарушении подвергается остракизму⁴.

Вместе с тем активное формирование нормативного поля современной технонауки встречается с мощным сопротивлением различных общественных сил, в том числе в рамках самих научных институтов.

Так, жесткие нормативные рамки, регулирующие проведение научных экспериментов, клинических испытаний, в течение полувека

⁴ Среди последних наиболее ярких примеров можно вспомнить рождение китайских дизайнерских близнецов – дизайнерских детей китайского ученого Хэ Цзянкуя и негативную этическую реакцию на это событие со стороны мирового научного сообщества, отказывающегося публиковать результаты исследований в ведущих научных изданиях их создателя ученого Хэ Цзянкуя.

вызывают дискуссии о необходимости дополнений, и то и пересмотра важнейших этических принципов, заложенных в Нюрнбергском кодексе, Хельсинской декларации и других правовых документах, регулирующих клиническую практику ввиду сложности их ее выполнения и сдерживания инновационного развития. Технонаука обращена лицом к истине, а гримасами к милитаризму и коммодификации знания. Какими в этой связи будут моральные императивы в области биомедицины – открытый вопрос современной биополитической повестки.

Список литературы / References

Feldman, 2014 – Feldman H.L. “What’s Right about the ‘Medical Model’ in Human Subjects Research Regulation”, in: Cohen, I.G., Lynch, H.F. (eds.) *Human Subjects Research Regulation: Perspectives on the Future*. Cambridge, MA: MIT University Press, 2014, pp. 299–312.

Gallin, 2019 – Gallin, S. Bedzow, I. “Holocaust as an Inflection Point in the Development of Bioethics and Research Ethics”, in: Iphofen, R. (ed.) *Handbook of Research Ethics and Scientific Integrity*. Springer Nature Switzerland AG, 2019, pp. 1–20.

Greene, 1992 – Greene, V.W. “Can Scientists Use Information Derived from the Concentration Camps? Ancient Answers to New Questions”, in: Caplan, A. *When Medicine Went Mad: Bioethics and the Holocaust*. Springer Science+Business Media, LLC, 1992, pp. 150–170.

Lachapelle-Henry, 2018 – Lachapelle-Henry, A.M. Jethwani, P.D., Grodin, M.A. “The Complicated Legacy of the Nuremberg Code in the United States”, *Central European Journal of Medicine*, 2018, vol. 130 (3), pp. 159–253.

Wiesel, 1992 – Wiesel, E. “Foreword”, in: G.J. Annas, M.A. Grodin. *The Nazi Doctors and the Nuremberg Code: Human Rights in Human Experimentation*. Oxford: Oxford University Press, USA, Year, 1992.

Адорно web – Adorno, T. *Chemu uchit’ posle Aushvitsa* [Education After Auschwitz]. [https://proza.ru/2015/05/16/1290, accessed on 05.05.2020]. (In Russian)

Бауман, 2010 – Bauman, Z. *Aktual’nost’ Kholokosta* [Modernity and the Holocaust]. Moscow: Izdatel’stvo Yevropa, 2010, 316 pp. (In Russian)

Йоханссон, 2019 – Yokhansson, I. Line, N. *Meditsina i filosofiya. Vvedeniye v XXI Stoletiyе* [Medicine and Philosophy: An Introduction to the 21st Century]. Moscow: Atmosfera, Veche, 2019, 630 pp. (In Russian)

Нюрнбергский кодекс – *Nyurnbergskiy kodeks* [Nuremberg Code]. [http://www.psychopravo.ru/law/int/nyurnbergskij-kodeks.htm, accessed on 05.05.2020]. (In Russian)

Нюрнбергский процесс, 1991 – “Nyurnbergskiy protsess” [Nuremberg Trials], *Sbornik materialov v 8 tomakh* [Collection of Materials in 8 Vols.], Vol. 5. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1991, 672 pp. (In Russian)

Степин, 2009 – Stepin, V.S. “Klassika, neklassika, postneklassika: kriterii razlicheniya” [Classics, Non-classics, Post-non-classics: Distinguishing Criteria], in:

Postneklassika: filosofiya, nauka, kul'tura [Postclassics: Philosophy, Science, Culture]. Saint Petersburg: Mir, 2009, pp. 249–295. (In Russian).

Харрис, 2019 – Harris, J.; R.R. Belyaletdinov (trans.) “Moral'naya slepota – dar Bozhestvennoy mashiny” [Moral Blindness – a Gift from the Divine Machine], *PRAKĒMA*, 2019, vol. 4 (2), pp. 244–253. (In Russian).